Глава 41. Больше не связаны

— Один из них для твоих родителей. Вы можете оставить один экземпляр себе. Другой для меня, чтобы передать его в окружной офис и хранить в архиве. Это значит, что если что-то и произойдет в будущем, то оно не будет решено по эмоциям. Когда это время придет, все будет либо черным, либо белым. Сейчас еще не поздно сожалеть. После того, как вы оставите на нем свои отпечатки пальцев, вы больше не сможете его изменить».

Как писал Старый Мастер Ли, он подробно объяснил действие письма. Он боялся, что обе стороны не поймут, что это значит. Он прояснил ситуацию и позаботился о том, чтобы обе стороны тщательно все обдумали, прежде чем принимать решение.

В противном случае, как только документы будут представлены, они не смогут легко отменить последствия.

За это время никто не разговаривал. Все они, казалось, молчаливо одобряли такое обращение.

После того, как доказательство было написано, Старый мастер Су и мадам Ван немедленно поставили на нем свои отпечатки пальцев и даже заставили Су Далана и Су Эрлана сделать то же самое.

К тому времени, как они закончили, настала очередь Су Саньлана.

Су Саньлан не колебался. Он надавил на красную глину и оставил отпечатки пальцев на бумаге. Он спокойно сказал госпоже Чжао: «Дорогая, подойди и нажми на нее тоже. Пусть Санмей, Чун и Хуа тоже придут сюда. Приведи Симея тоже.

Решительность Су Саньлана заставила Великого Князя Су и Четвертого Князя Су покачать головами и вздохнуть.

Староста деревни, старый мастер Ван, тоже вздохнул. Су Саньлан был слишком упрям. Ему действительно совсем не хотелось признавать свои ошибки. Даже если его родители были неправы, они все равно были его родителями. Что плохого в том, чтобы терпеть?

Как сын мог быть таким упрямым со своими родителями?

Су Саньлан просто не понимал такого образа мыслей. Поскольку дело уже дошло до этого, никто ничего не мог сделать.

Нажав на отпечаток большого пальца, мадам Ван злобно сказала Су Саньлану и его семье: «Все вы, уходите. Я лучше отдам этот дом собаке, чем тебе.

Может быть, это было потому, что она, наконец, выместила свой гнев, мадам Ван почувствовала, что воспаление во рту почти утихло.

Глядя на Су Саньлана и его семью, которые были в еще большей депрессии, чем тонущие собаки, госпожа Ван почувствовала облегчение на сердце. Бесполезно иметь такого непослушного сына. Было хорошо избавиться от него как можно скорее.

Увидев, что Су Саньлан собирается уйти со своей женой и детьми, мадам Ван закатила глаза и закричала: «Прекрати прямо здесь».

Тяжелые шаги Су Саньлана и госпожи Чжао остановились.

Су Саньлан знал, что у него больше не должно быть никаких ожиданий, но он не хотел терять надежду.

К сожалению, как только эта мысль возникла, она была быстро погашена следующими словами мадам Ван.

Мадам Ван холодно сказала: «Старшая невестка, вторая невестка, идите и обыщите их, чтобы узнать, не взяли ли они что-нибудь, что принадлежит нашей семье Су. Они потратили деньги нашей семьи Су на одежду».

Услышав эти бессердечные слова, Су Саньлан вздрогнула и слегка закашлялась. Мадам Чжао воскликнула: «Саньлан…»

Су Саньлану было так больно, что он выплюнул кровь.

Мадам Чжао была в ужасе. Слезы текли по ее лицу, когда она поддерживала Су Саньлана, не зная, что делать.

«Само собой разумеется, что одежду, которую они носят, можно взять с собой, но не столовое серебро».

Старый Мастер Ли нахмурился и сказал. Наблюдая, как Су Саньлан выплевывает кровь с выражением печали и отчаяния, старый мастер Ли не мог этого вынести. Он подумал, что может быть что-то, чего он не знает в этой ситуации.

Однако теперь, когда оно было нотариально заверено, говорить об этом уже не было смысла. Кроме того, Су Саньлан не был похож на человека, который возьмет свои слова обратно. Если бы он был готов сдаться, они, вероятно, не дошли бы до этого момента.

Старый мастер Ли мог только вздохнуть. Он боялся, что только время покажет, кто прав, а кто

виноват.

Поскольку староста уже говорил, мадам Ли и мадам Чжоу могли только остановиться и посмотреть на мадам Ван.

Мадам Ван нахмурилась и сказала: «Одежду можно носить, но кто знает, не прячут ли они деньги? Старшая невестка, вторая невестка, обыщите их».

Мадам Ли и мадам Чжоу выглядели беспомощными. Они вышли вперед и сказали госпоже Чжао: «Третья невестка, пожалуйста, помогите нам. Мы ничего не можем сделать, верно?

Слезы мадам Чжао падали жемчугом. Она не могла сказать ни слова и не сопротивлялась.

Если бы даже их родители были такими, не было бы необходимости упоминать Су Чуна, Су Хуа и Су Санмей.

После обыска тела Су Далан и Су Эрлан также отправились обыскивать тело Су Саньлана, чтобы убедиться, что в нем не было спрятано серебра.

Мадам Ван сказала: «Хорошо, пусть они убираются».

Тело Су Саньлана качнулось. Госпожа Чжао изо всех сил поддерживала его.

Су Саньмэй несла Су Сяолу, ее глаза были полны замешательства.

Невежественные и чистые глаза Су Чуна и Су Хуа также были полны замешательства и страха. Они плотно прижались к Су Саньлан и госпоже Чжао и с тревогой смотрели на Су Саньлан, но не знали, что делать.

Су Саньлан глубоко вздохнул и с трудом сказал: «Дорогой, пошли».

Мадам Чжао вытерла слезы и кивнула.

Семья медленно ушла. Никто не оглянулся.

Отремонтированная плотина во дворе и хижина с соломенной крышей сильно отличались от прежних. Четыре акра земли позади горы тоже были зелеными и нежными.

Кто-то в толпе вздохнул и пробормотал: «Какой грех».

Когда семья Су Саньлана ушла, зрители тоже разошлись.

Старый мастер Ли также сказал: «Поскольку с этим делом покончено, я вернусь».

Старый Мастер Су улыбнулся и отослал всех. "Спасибо всем."

Старейшина деревни, старый мастер Ван, сказал: «Старый мастер Су, на мне еще кое-что есть. Я пойду.

Люди, приглашенные старым мастером Су, встали и вернулись.

Мадам Ли и мадам Чжоу уже вошли во внутреннюю комнату и перевернули дом вверх дном. Наконец, они нашли серебро. Прежде чем мадам Ли успела открыть его, мадам Ван уже бросилась к ней и выхватила его.

«Эта проклятая штука. Я говорил тебе, что он спрятал серебро. Он на самом деле так много скрывал».

Мадам Ван открыла его и оглядела. Там было более десяти таэлей серебра, примерно столько, сколько она прикинула.

Мадам Ли и мадам Чжоу поджали губы.

Мадам Ли подобострастно спросила: «Мать, Третий Брат и его семья много заработали за последние несколько месяцев. Сколько там денег? Есть пропавшие?»

Мадам Чжоу добавила: «Правильно. Я слышал от жителей деревни, что есть по меньшей мере десять таэлей серебра.

Мадам Ван холодно фыркнула и стиснула зубы. "Более или менее. Верните эти одеяла, а также мясо и домашний скот. Какая трата. Интересно, сколько они уже съели».

Если бы их обменяли на деньги, они могли бы сделать еще несколько таэлей серебра.

Мадам Ван выругалась, уходя.

Мадам Ли и мадам Чжоу переглянулись и больше ничего не сказали.

Они собрались молча. Их общее ожидание теперь состояло в том, чтобы их дети учились и сдавали имперские экзамены.

С вспыльчивостью мадам Ван, если бы мадам Чжао не пострадала вместо них, мадам Ван вместо этого истязала бы их двоих. Как невестки, у них не было бы другого выбора, кроме как терпеть это, пока мадам Ван не состарится и они не обретут больше власти.

…

Семья Су Саньлана постепенно прошла мимо деревни. Су Саньлан был очень слаб и почти всем своим весом оперся на госпожу Чжао. Семья шла очень медленно.

Пока они шли от одного конца деревни к другому, Су Саньлан наконец потеряла сознание. Мадам Чжао не смогла поддержать его, и Су Саньлан потерял сознание. Мадам Чжао опустилась на колени рядом с ним и беспомощно позвала: «Саньлан, очнись. Не пугай меня…»

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

http://tl.rulate.ru/book/77294/2591335